

Примечания

- 1 См.: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Ушакова. М., 1996. Т. 2. С. 204.
- 2 См.: Социология : энциклопедия. М., 2003. С. 968.
- 3 См.: Толковый словарь русского языка. Т. 2. С. 204
- 4 См.: Аникин Л. С. Становление местного самоуправления в Российской Федерации : Опыт социологического исследования. Саратов, 1997. С. 118.

УДК 316.346.32-053.6(316.473)

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЧАСТЬЯ

Н. В. Качур

Саратовский государственный университет
E-mail: natalya.ka4ur@yandex.ru

В статье уточняется эволюция социальных представлений о счастье, проводится сравнительный анализ социологических, философских, этических, психологических, теоретико-методологических подходов к научной интерпретации счастья и предлагается социологическое определение счастья.

Ключевые слова: счастье, социальные науки, социология эмоций, социологическая интерпретация счастья.

The Evolution of the Sociological Interpretation of Happiness

N. V. Kachur

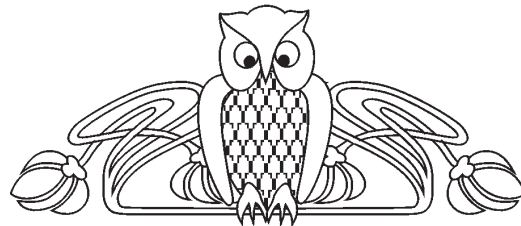
This article clarifies the evolution of social attitudes about happiness, comparative analysis of sociological, philosophical, ethical, psychological theoretical and methodological approaches to scientific interpretation of happiness and offers the sociological definition of happiness.

Key words: happiness, social science, sociology of emotions, sociological interpretation of happiness.

Счастье – это вопрос, издавна волнующий человечество начиная от древнегреческих философов. Однако только в 1973 г. впервые в предметном указателе основных справочных изданий появилась категория «счастье». Траектория развития психологических подходов к счастью сходна с траекторией развития философских воззрений на него¹, в которых отмечается, что счастье ситуативно, переменчиво; границы его размыты². «Это побудительный мотив действий всех людей, включая самоубийц», – заключает Б. Паскаль³.

Своим появлением слово «счастье» обязано хлебу. В древности по случаю рождения ребенка выпекали хлеб или каравай. Его делили на части для всех членов семьи и гостей. Новорожденному также выделяли его часть. С этого момента он жил с «частью» блага, то есть счастьем⁴. Другие исследователи выводят происхождение этого термина от слов «часть», «участь», «участник»,

- 5 См.: Федеральная служба государственной статистики по Саратовской области : [официальный сайт]. URL : www.srtv.gks.ru (дата обращения: 05.08.2013).
- 6 См.: Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области : [официальный сайт]. URL : www.mintrud.saratov.gov.ru (дата обращения: 03.08.2013).
- 7 См.: Федеральная служба государственной статистики по Саратовской : [официальный сайт]. URL : www.srtv.gks.ru (дата обращения: 05.08.2013).
- 8 Там же.

«причастность», «причастие», «удача». «Удача» в русском языке имеет также несколько значений – это успех, желанный случай, неожиданно успешный исход дела, а также внезапное счастье, хотя ранним значением этого слова была покорность, уступчивость судьбе. То есть, слова «удача» и «счастье» с течением времени стали синонимами («удача привалила») и означают нахождение под покровительством неких высших сил. Приставка «с» в слове «счастье» означает соединение с чем-либо, совместное бытие, сопричастие чему-то. Таким образом, получается, что понятие «счастье» в данном контексте можно понимать как соединение с некоей частью, со своей собственной долей, то есть осознание своей судьбы, своего места и назначения. В таком понимании оно имеет также оттенок влияния счастливой судьбы и социальной сопричастности, интегрированности, солидарности со своими близкими. Но есть еще и третий вариант: счастье – благоденствие, благополучие, покой и довольство; жизнь без горя и забот⁵. Таким образом, социальные представления о счастье эволюционировали от знака судьбы в направлении индивидуализма, высокой степени удовлетворенности жизнью, ее благами. Однако противоречивое, личностное, подчас иррациональное восприятие счастья делало невозможным его научное рассмотрение с точки зрения социологии.

В социологической науке понятие «счастье» изначально проявилось в первых работах об эмоциях как научной категории, объясняющей социальные явления. Интерес к эмоциям возник в основном в рамках субъективистской социологии конца XIX – начала XX в. Так, в работе Гюстава Лебона «Толпа» основной акцент делался на патологических проявлениях негативных эмоций, которые имели разрушительные последствия⁶. Счастливые люди не объединяются. При всей ограниченности этого подхода его заслугой яви-

лось то, что авторы открыто поставили вопрос о роли эмоций в социальных процессах и необходимости их социологического изучения. М. Вебер выделял аффективный тип, то есть действие, обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида⁷. Использование категории эмоций, в том числе счастья, для объяснения социальных процессов и отношений также встречается в трудах Ф. Гиддингса, У. Мак-Дугалла Ф. Тенниса, П. А. Сорокина⁸. Марксизм, выступив с идеей борьбы за счастье для всего человечества, тем не менее, отрицательно относится к стремлению человека к личному счастью, оторванному от общественных целей, усматривая в этом эгоизм.

Э. Дюркгейм, не обращая к анализу счастья личности напрямую, затрагивает эту тему в разных контекстах. Рассуждая об эмоции самоубийц, он рассматривает связь, существующую между социальными условиями жизни и определенными чувствами индивидов и их действиями⁹. Проводя анализ причин возникновения религий, Дюркгейм пытается определить, каким образом социальное конструируется через эмоциональное, посредством концепции солидарности¹⁰. Иными словами, социальное определяется им как причина эмоционально окрашенных переживаний. Дюркгейм рассматривает эмоции в многообразии их проявления, выступающих как конструктивная форма социальной действительности, когда счастье одних людей влияет на счастье других. Существует – в определенных границах – солидарность между счастьем людей. Однако индивидуальное счастье субъективно и не подлежит социологическому изучению.

Г. Зиммель придерживался иной позиции и утверждал, что счастье как эмоция нуждается в серьезном социологическом анализе¹¹. Он различал две возможные перспективы исследования эмоций, в том числе счастья. К первой относятся социальные отношения, продуцирующие специфические (вторичные) эмоции как реакции личности на возникающие разногласия между оценочными структурами и социальными раздражителями или на удовлетворенность ими. Вторую перспективу Г. Зиммель определял понятием «первичные эмоции», под которыми понимал конструктивные формы чувств, разделяющие социальную действительность на важное и неважное для индивида во взаимодействии с другими людьми. Таким образом, по Г. Зиммелю, счастье как переживание, присущее отдельной личности, вплетаясь в ткань социального взаимодействия, переходит в ряд надиндивидуальных, социальных явлений и требует социологического анализа.

Первый анкетный опрос, выделяющий источники счастья, был проведен американским исследователем Дж. Б. Уотсоном в начале XX в.¹² В последующих работах ученые все чаще привлекают счастье как социологическую категорию. В начале 1940-х гг. Э. Л. Торндайк составил перечень социальных и прочих факторов удовлетворенности

жизнью и ощущением счастья. Проблема счастья становится предметом анализа в социокультурной традиции (Д. Мерфи, Н. Уэлш, Сан-Лайт, Д. Чопра, Л. Хей, Бхагаван Шри Раджниш (Ошо), М. Айванхов, Р. Бах, Г. Шипов, В. Казначеев, А. Акимов, В. Тихоплав, Т. Тихоплав). С позиций изучения «качества жизни», субъективного мира личности феномен счастья отражается в теориях А. Маслоу, Г. Олпорта, Э. Эриксона, К. Роджерса, И. Джидарьяна¹³, в концепции «дисциплины эмоций» Н. Элиаса¹⁴.

Структуралистские исследования Н. Лумана доказывают не только универсальность таких базисных эмоций, как радость, удивление, удовлетворение, счастье, но и их культурную вариационность. Одно и то же событие в разных культурах может иметь различные значения и вести к появлению и выражению разнообразных эмоций, в том числе счастья. Каждая культура имеет свои изобразительные правила для его выражения. Общим для всех культур является то, что счастье проявляется невербально и структурируется в языке¹⁵. Развивая идеи интеракционизма, А. Хохшильд утверждает, что эмоции счастья имеют социальное значение и становятся символами, которые широко признаны и используются личностью для управления собой и выражения себя в социальном взаимодействии¹⁶. В концепции габитуса П. Бурдьё эмоциональные эталоны счастья, усвоенные в процессе социализации, входят в структуру габитуса¹⁷.

Новые аспекты в анализе счастья выделяет Р. Коллинз, демонстрируя синтетический подход, в котором объединяются макросоциология (общественный строй, конфликт и стратификации) и микроуровень эмоций, в том числе счастья. По его мнению, эмоции должны быть привнесены в центральные вопросы социологии, так как именно солидарность, стремление к счастью сплачивают общество в единое целое, а энергия мобилизации групповых эмоций детерминирует конфликт. Если мы можем объяснить условия, которые заставляют людей чувствовать эти виды эмоций, мы будем иметь главную часть основы реалистической социологической теории... с учетом динамики¹⁸. Т. Кемпер полагает, что власть и статус составляют сетку социальных отношений, которая лежит в основе всех социальных взаимодействий, предоставляя человеку большее или меньшее количество эмоциональных ресурсов для ощущения счастья или отсутствия такового. Один актер соглашается со статусом другого через действия, признающие его ценность. В награду получает удовлетворение, ощущение счастья¹⁹.

В современном социологическом дискурсе все чаще появляются работы, которые анализируют эмоции не в целом, а рассматривая вклад конкретных их разновидностей (стыда, зависти, гордости и пр.) в развитие социальных отношений²⁰. М. Аргайл, напротив, смещает акцент на анализ факторов счастья. Причем факторы вы-

ступают также и как источники, и как условия, и как области удовлетворенности жизнью, а иногда и как характеристики самого субъекта – совокупность личностных черт жизни индивида, которые поддаются определению, замеру и обнаруживают статистически значимую связь с удовлетворенностью жизнью. Аргайл понимает счастье как состояние переживания удовлетворенности жизнью в целом, общую рефлексивную оценку человеком своего прошлого и настоящего, а также частоту и интенсивность положительных эмоций. Этот взгляд имеет исторические корни в традиции античного эвдемонизма. Он показывает зависимость счастья от социальных связей, основной значимостью которых является социально-сетевая поддержка, которую оказывают индивиду близкие люди, от наличия интересной, разнообразной работы, характера досуга, состояния здоровья, общения, а также статуса, уровня образования и материального благосостояния²¹.

М. Селигман вывел свою формулу счастья²²: счастье = индивидуальный диапазон + внешние обстоятельства + волевой контроль, где, индивидуальный диапазон – генетически предопределенный уровень счастья, который остается относительно стабильным на протяжении жизни и к которому мы возвращаемся вскоре после большинства значительных событий в нашей жизни. Индивидуальный диапазон определяет счастье приблизительно на 50 %, внешние жизненные обстоятельства (семья, дети, религия, повседневная деятельность) – на 10%. Волевой контроль – факторы, поддающиеся волевому контролю, то есть сознательные, намеренные и требующие усилий действия, которые человек может выбрать для себя (определяют счастье на 40%).

В дореволюционной России идеи о счастье представлены в трудах Н. В. Шелгунова, Н. Чернышевского, Л. Толстого, В. Несмелова, П. Флоренского, С. Франка, И. Ильина, Л. И. Петражицкого, Б. Вышеславцева. В XIX – начале XX в. в российской религиозной мысли развернулась интенсивная критика идеи счастья как главного основания и объяснительного принципа жизни человека. В. Соловьев утверждал, что понятие счастья (как и понятия пользы и наслаждения) не имеет нравственной природы. Принцип стремления к счастью бессодержателен: из него выводятся абсолютно противоречащие друг другу учения, счастье эквивалентно остановке всех стремлений и неведению добра и зла. По этой же причине идея счастья не может служить объяснением человеческой жизни, а мысль человека об устройении своем на земле по принципу счастья является ложной. В. Розанов, Н. Бердяев, А. Введенский и другие философы противопоставили принципу стремления к счастью принцип стремления к смыслу как направленности на что-то ценное в мире. Счастье ими рассматривалось как субъективное переживание, но уже не замкнутое в себе, а переживание,

порождаемое открытием и реализацией смысла посредством действий в мире. Иными словами, счастье воспринималось как эмоциональное состояние и именно в этом качестве изучалось психологией, а затем и социологией.

В российской социологии последних десятилетий наибольшее освещение получила эмоция страха²³ асоциального индивидуализма и мистицизма²⁴, противоречия в эмоциональной сфере²⁵ в политике²⁶. Противостояние эмоционального и рационального связано с общими тенденциями общественного развития, которое представляет собой процесс возрастания рациональности, вытесняющей из жизни эмоции и ощущение счастья²⁷. Тем не менее проблемы счастья в той или иной степени затрагиваются в работах, обращенных к социологии личности, эмоций, идентичности²⁸, поскольку социальная идентичность, будучи одной из структурных характеристик общества, эмпирически определяется через чувства принадлежности индивида к какой-либо общности его уникальности, уверенности в себе и степени ощущения себя счастливым.

Разработкой проблемы счастья занимались Р. М. Айдинян, В. Н. Бажин, М. В. Бахтин, М. Б. Беркинблит, А. Д. Гойко, Ю. Джумбаев, Э. Диннер, Е. П. Ильин, О. Е. Кошелева, П. А. Ландесман, О. Д. Лаптенок, Е. А. Мишутина, В. Г. Немировский, А. В. Петровский, В. О. Татаркевич, В. Терехович и др.²⁹ В их работах сосуществуют старые и новые подходы к пониманию счастья сквозь призму смысла жизни, общественного сознания, социальной и индивидуальной субъектности индивида. Так, в исследованиях Л. К. Гришанова, К. Муздыбаева, Ю. П. Петрова счастье связано с одобрением деятельности трудящегося со стороны его товарищей, коллектива, а значит, и общества в целом. Б. Н. Попов, Е. А. Парадиз указывают на внутреннюю взаимосвязь смысла жизни и счастья. В. Г. Немировский полагает, что главным условием обретения человеческого счастья является наличие цели в жизни человека. Чем значительнее для человека достигнутая цель, тем острее ощущение счастья.

Счастье нередко рассматривается как высшее эмоциональное состояние радости, чувство упоения от обретенности предмета, удовлетворенного сильного желания, восторженной (глубокой) удовлетворенности от того, что цель достигнута³⁰. В других случаях понятие счастья увязывается с нравственной жизнью человека³¹, его моральным сознанием, полнотой и осмысленностью жизни, наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своей жизнедеятельности или осознанием совершенного блага³².

Эта многозначность обусловлена тем, как истолковывается назначение и смысл человеческой жизни³³. Но преобладающее в отечественной философии и этике определение счастья как нравственной категории сводит его понимание к моральной удовлетворенности личности. Важ-

ным моментом в представленном понимании счастья является его определение как результата деятельности. Счастье предполагает сознательную творческую или целенаправленную деятельность, поскольку именно такая деятельность дает человеку наиболее глубокое чувство удовлетворения³⁴.

Иными словами, счастье – это эмоция, чувство (довольства, кратковременной радости, удовлетворенности жизнью, ее условиями), интегральное состояние (положительная самооценка жизненного пути). Кроме того счастье является чувственно-эмоциональной формой идеала, но в отличие от нее означает не устремление личности, а исполнения этих устремлений. Понятие счастья не просто характеризует определенное конкретное положение или субъективное состояние человека, но и выражает представление о том, какой должна быть вся жизнь, что именно является для него блаженством. Поэтому данное понятие носит еще и нормативно-ценностный характер³⁵. Таким образом, имеются по крайней мере четыре основных значения счастья: счастливым, является во-первых, тот, кому сопутствует счастливая судьба; во-вторых, тот, кто познал самые сильные радости; в-третьих, тот, кто обладал наивысшими благами или, во всяком случае, положительным балансом жизни; и, в-четвертых, тот, кто доволен жизнью. Эта многозначность является источником путаницы, ибо все понятия, обозначенные одним словом, имеют тенденцию к взаимопроникновению в сознании и образованию одного понятия неопределенного содержания, не соответствующего в точности ни одному из четырех значений³⁶.

Исходя из этого, можно сформулировать социологическое определение счастья как доминирующей направленности группового и индивидуального сознания, которая имеет социальную ценность, нормативный характер и непосредственно проявляется в высокой степени удовлетворенности личности своей деятельностью, условиями и образом жизни как гражданина, представителя того или иного общества, класса, социальной группы, в позитивных эмоциях радости. Такое определение позволяет интегрировать различные трактовки счастья и определить его социальные функции, необходимые условия, факторы.

Примечания

- ¹ См.: Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Эмоции как объект социологических исследований : библиографический анализ // Социс. 2010. № 6. С. 13–14.
- ² См.: Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / сост. и пер. с польск. Л. В. Коноваловой ; предисл. и общ. ред. проф. Л. М. Архангельского. М., 1981. URL : www.vusnet.ru/biblio (дата обращения: 25.05.2013).
- ³ Цит. по: Паскаль Б. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1890–1907.

- ⁴ См.: Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2002. С. 56.
- ⁵ См.: Брилинг Е. Е., Требина Т. М. Понимание счастья в философии. 2005. URL : http://www.psi.lib.ru/filosof/briling/schaste1.htm (дата обращения: 25.05.2013).
- ⁶ См.: Лебон Г. Толпотворение // Новое время. 1998. № 3. С. 98 ; Он же. Психология толп // Психология толп. М., 1998. С. 222–225.
- ⁷ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- ⁸ См.: Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Указ. соч. С. 13–22.
- ⁹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство : Социологический этюд. М., 1994.
- ¹⁰ См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
- ¹¹ См.: Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М., 1996.
- ¹² См.: История социологии в Западной Европе и США : учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Осипов. М., 2001. С. 61.
- ¹³ См.: Татаркевич В. Указ. соч.
- ¹⁴ См.: Элиас Н. О процессе цивилизации : в 2 т. М. ; СПб., 2001.
- ¹⁵ См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
- ¹⁶ Подробнее см.: Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Указ. соч. С. 17.
- ¹⁷ См.: Бурдьё П. Начала. М., 1994.
- ¹⁸ См.: Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 69.
- ¹⁹ Цит. по : Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Указ. соч. С. 18.
- ²⁰ Подробнее см.: Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Указ. соч. С. 18 ; Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 31–42 ; Шёк Г. Зависть : теория социального поведения. М., 2008.
- ²¹ См.: Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2008. С. 15–24.
- ²² См.: Селигман М. В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день. М., 2010. С. 74–112.
- ²³ См.: Ядов В. А. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 77–91 ; Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия – трансформирующееся общество / под ред. В. А. Язова. М., 2001. С. 348–358 ; Витковская М. И. Теоретико-методологические проблемы изучения страха в социологии // Вестн. РУДН. 2003. № 4–5. С. 86–91 ; Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004 ; Чего опасаются россияне? : информ. анализ. бюлл. / Институт социологии РАН. М., 2008 ; Россия на новом переломе : страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2009.
- ²⁴ См.: Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / под ред. В. Шляпентоха. М., 1999.
- ²⁵ См.: Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2008.
- ²⁶ См.: Урнов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. М., 2008.
- ²⁷ См.: Бреслав Г. М. Психология эмоций. М., 2006. С. 93.

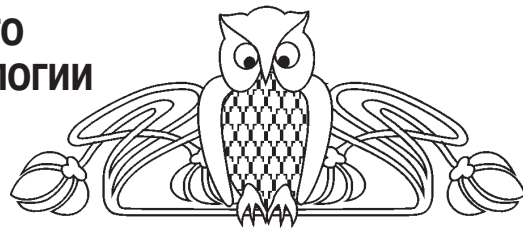
- ²⁸ См.: *Симонова О. А.* Актуальные тенденции в современной социологии : открытие эмоциональности // Современная социология – современной России : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. памяти А. О. Крыштановского / науч. ред.: А. Б. Гофман, Г. В. Градосельская, И. Ф. Девятко, Д. Х. Ибрагимова, И. М. Козина, Л. Я. Косалс, В. А. Мансуров, В. Г. Николаев, О. А. Оберемко, Н. Е. Покровский, Ю. Н. Толстова, А. Ю. Чепуренко, Е. Р. Ярская-Смирнова. М., 2012. С. 411–423.
- ²⁹ См.: *Айдинян Р. М.* Трактат о счастье. СПб., 2008 ; *Бахтин М. В.* Вечные ориентиры счастья. Полное собрание сочинений. М., 2001–2003. Т. 1 ; *Беркинблит М. Б., Петровский А. В.* Фантазия и реальность. М., 1996 ; *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании : опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002 ; *Джулебаев Ю.* Проблема счастья в максимстско-ленинской этике : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1964 ; *Диннер Э.* Поговорим и счастье. М., 2003 ; *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб., 2002 ; *Кошелева О. Е.* Ракурсы «счастья» в России XVII–XVIII веков // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. Вып. 4. С. 108–118 ; *Мишутина Е. А.* Философия счастья // Социальная философия. 2009. № 4. С. 23 ; *Петровский А. В.* Психология и время. СПб., 2007 ; *Татаркевич В. О.* Указ. соч.
- ³⁰ См.: Понимание счастья. По материалам сайта психологического центра Просвет. URL: <http://www.vprosvet.ru> (дата обращения: 15.06.2013).
- ³¹ См.: *Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.* Этика. М., 1998. С. 295 ; *Попов Л. А.* Этика. Курс лекций. М., 1998. С. 77.
- ³² См.: *Терехович В.* Формула смысла. Исследование мнений о смысле существования человека. СПб., 2012.
- ³³ См.: Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1975. С. 303.
- ³⁴ См.: *Татаркевич В.* Указ. соч.
- ³⁵ См.: Словарь по этике. С. 303.
- ³⁶ См.: *Татаркевич В.* Указ. соч.

УДК 316.485.26

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

И. В. Воронин

Саратовский государственный университет
E-mail: woroninigor@gmail.com

Статья посвящена исследованию основных особенностей изучения современного терроризма в российской социологии. Внимание уделяется краткому обзору дореволюционного, советского и постсоветского периодов изучения терроризма. Особое внимание уделено профилактике и поиску причин терроризма, его взаимосвязи с глобализацией, преступностью, социальной стратификацией.

Ключевые слова: терроризм, государство, глобализация, бедность, насилие, профилактика.

Features of Studying of Modern Terrorism in Domestic Sociology

I. V. Voronin

Article is devoted to research of the main features of studying of modern terrorism in the Russian sociology. The attention is paid to the short review of the pre-revolutionary, Soviet and Post-Soviet periods of studying of terrorism. The special attention is paid to prevention and search of the reasons of terrorism, its interrelation with globalization, crime, social stratification.

Key words: terrorism, state, globalization, poverty, violence, prevention.

Многочисленные исследования, проводимые в настоящее время и направленные на изучение современного терроризма, сходятся в выводах о том, что угроза террористических акций, методов воздействий на общественное сознание, политическую власть как в масштабах Российской Федерации, так и в масштабе глобальном остаётся

крайне острой. Но, несмотря на множество научных исследований, публикаций по данной теме, современный терроризм является недостаточно изученным. Следовательно, создаётся опасность того, что противодействие ему находится на уровне, который не соответствует угрозе.

Причина недостаточной изученности терроризма заключается в его сложности, неоднозначности и политизированности подходов к изучению, отсутствию чётко выработанной единой системы терминов и понятийного аппарата и выработке двойных стандартов в отношении к такому насилию.

Необходимо проанализировать особенности изучения, историю изучения и достижения отечественной социологической науки в этой области с целью дальнейших эффективных исследований. В ходе написания данной статьи были определены основные особенности изучения терроризма.

Первая особенность состоит в единомыслии исследователей по поводу того, что терроризм является особо сложным явлением в целом, в частности – сложно его определение. Принадлежит существование политического контекста в определении терроризма официальными представителями власти разных государств и их объединений. Справедливо утверждать, что терроризм проявляет свои отличия в зависимости от исторического и культурного развития того или иного общества¹. Феномен современного терроризма носит ис-